

**Алкоголь и традиционная культура в XVIII-начале XX в.
(по материалам Олонецкой губернии)**

**Alcohol and traditional culture in the XVIII-early XX century
(based on Olonets province)**

Ключевые слова: алкоголь, водка, традиции, праздники, трезвость, гендер, сакральное

Keywords: alcohol, vodka, traditions, holidays, sobriety, gender, sacral

Аннотация: В статье рассмотрены основные тенденции, связанные с развитием масштабов и увеличением числа ситуаций, связанных с употреблением спиртного. Основной вывод статьи заключается в том, что в течение XIX в. происходила постепенная десакрализация употребления алкогольных напитков. Логическим следствием этого процесса, тесно связанного с урбанизацией, стало быстрое превращение пьянства в неотъемлемую часть повседневной жизни населения Олонецкой губернии.

Abstract: This article examines the major trends associated with the development of the scale and the increasing number of situations related to alcohol consumption. The main conclusion of the article lies in the fact that during the XIX century there is a gradual profane alcohol. The logical consequence of this process is closely associated with urbanization, has been the rapid transformation of drinking into an integral part of daily life in Olonets province.

Священное опьянение позволяет приобщиться — пусть мимолетно и несовершенно — к божественному способу существования; оно фактически достигает парадокса — владеть одновременно полнотой существования и становлением; быть одновременно динамичным и статичным.

М. Элиаде

Проблема пьянства остается малоизученным аспектом повседневной жизни населения Олонецкой губернии. Существующая лакуна отражает положение дел в российской историографии в целом. Исследование проблем пьянства всегда осуществлялось преимущественно для благородных целей пропаганды трезвости [Бехтерев 1927; Коровин 1916; Михайлов 1900 и др.]. До настоящего времени слабо изучены география распространения пьянства и масштабы торговли спиртным. В полной мере не отражены в исторических трудах традиции и обычаи, связанные с употреблением алкоголя. Поэтому достаточно легко наметить перспективы будущих исследований. Важным элементом всестороннего рассмотрения проблемы могут стать *этнические аспекты пьянства*: различия в традициях приобщения к спиртному в карельских и русских деревнях. Неотъемлемая составная часть исследований пьянства — *сочетание алкоголизма с иными видами девиантного и «нормального» поведения*: пьянство во время праздников и в повседневной жизни, преступления и добрые дела, творимые в состоянии опьянения. Существенным моментом исследований могут конкретные формы про-

явления в повседневной жизни различных стадий опьянения, качественно различающихся между собой и последовательно ведущих индивида от эйфории к депрессии. Непостижимые противоречия мира алкоголизма на этом не заканчиваются.

Пьянство: противоречивый мир

При исследовании многочисленных проблем, связанных с употреблением алкоголя, основное внимание должно быть обращено на ряд противоречивых проявлений в поведении любителей спиртного. Для самого человека его поведение в момент и после употребления спиртного остается загадкой. Обращаясь к исполнителю рун, известный собиратель фольклора Э. Леннрот использовал различные методы установления контакта с носителем устной традиции: «Он (рунопевец Мартти. — *М.П.*) усердно пробовал ром из моей бутылки, чтобы освежить память, как он говорил, но от этого мысли его еще больше путались» [Леннрот 1985, 121]. Более глубокое исследование мира пьянства приводит к открытию новых странных и на первый взгляд нелогичных ситуаций. На ум приходит безудержная эйфория пьянства и жесткие реалии похмелья, дружелюбная компания любителей крепких напитков и кровавые драмы пьяных драк. В переводе на язык науки подмеченные антиномии не теряют своей запредельной привлекательности. Наиболее заметные из них связаны с социализацией и проявлениями индивидуализма. Иногда коллективные пьянки и индивидуалистическое поведение наблюдаются одновременно, до предела обостряя ситуацию. Так, в 1789 г., в храмовый праздник, прихожане Водлозерской церкви собрались в доме священника для торжественного обеда. Но вскоре здесь же появился не приглашенный на пиршество староста Петр Чусов и «в пьянстве стал бесчинно брехать и нападать на случившихся в том празднике гостей» [НА РК, ф. 165, оп. 2, д. 2/3, л. 18].

Причины агрессивного поведения старосты легко объяснимы. С одной стороны, устранение индивида от коллективного пиршества во все времена расценивалось как существенное понижение его социального статуса. В то же время в состоянии опьянения скрытое, не всегда и не вполне неосознаваемое желание быть признанным, уважаемым, становится явным для самого индивида и небезопасным для окружающих, поскольку может принять агрессивные формы. Но, с другой стороны, понятно, что в русской культуре отказ от публичного употребления спиртного расценивается как проявление ненормальности, физического или нравственного нездоровья, презрения к коллективным этическим нормам, принадлежности к иной этнической культуре и в любом из перечисленных случаев сурово осуждается: «Не допиваешь, так недолюбливаешь». Как правило, присутствие в составе пьющей компании одного-двух трезвых людей воспринимается как нарушение важного ритуала, участники которого стремятся либо напоить их, либо вовсе удалить. Поэтому часто приходится конста-

тировать, что корректнее говорить не о влиянии спиртного на психические процессы, а о воздействии *всего ритуала* употребления алкоголя на восприятие окружающего мира.

Отсюда проистекает еще одно существенное противоречие, связанное с деструктивными и конструктивными элементами поведения любителей алкоголя. Жизненный опыт показывает, что достижение согласия, консенсуса нередко становится возможным, или, во всяком случае, происходит быстрее всего после совместных возлияний, а сам факт трапезы с алкоголем становится своего рода преддверием знакомства, примирения, общественного согласия (поневоле вспоминается старая шутка про спаянный и «споенный» коллектив). Известно, что «в традиционном обиходе застолье рассматривалось как совместное действие, влиявшее на благосостояние и судьбу всех членов коллектива» [Морозов, Слепцова 2004, 51]. Современные люди не избежали влияния этой устоявшейся нормы поведения; сходные представления, стабильно поддерживаемые постоянными возлияниями, успешно дожили до наших дней. Наличие алкоголя весьма часто является непременным условием общения. Однако, с другой стороны, агрессивность издавна сопутствует употреблению спиртного: «алкогольный транс являлся условием соревнования за честь и славу, которое известно еще по былинному пиру богатырей» [Морозов, Слепцова 2004, 69]. Известно, что употребление спиртного часто воспринимается как проявление взрослости, наличия недюжинных сил, удали. Однако одновременно именно поглощение алкоголя не без оснований связывается психоаналитиками с блаженными временами раннего детства, а пьяница — с младенцем, требующим и регулярно получающим соску.

Иногда спонтанные действия пьяных вызывали удивление современников и с трудом воспринимаются и в наши дни. Возникает мысль о том, что *момент принятия алкоголя становится отправной точкой в превращении индивида в собственную противоположность или, возможно и более вероятно, спиртное дает простор для реализации скрытых до времени потаенных желаний*. Разумеется, в материалах делопроизводства фиксировались лишь негативные превращения, да и то лишь в тех случаях, когда эти метаморфозы обретали вопиющий, общественно опасный характер. Например, священник петрозаводского Петропавловского собора в 1792 г., «будучи бесчюственно пьян», взял ночью ключи, пошел в церковь, разломал «казенный ящик» и украл 580 рублей. Наутро он отправился в «трахтир», вернул старые долги и купил вина [НА РК, ф. 655, оп. 4, д. 27/1299, л. 5]. Как видно из указа Петрозаводского духовного правления, священник Сегозерского прихода в 1802 г., «быв на мирском скопе, в пьяном виде крестьян в платеже денег, обещанных ими на сооружение в оном приходе каменной церкви, развращал». При этом он просил, «чтоб никто из крестьян требуемых начальством денег на платил», заявляя, «что не нужно и не надобно никакой в погост церкви» [НА РК, ф. 126, оп. 2, д. 1/9, л. 1.].

Другие разновидности противоречий не столь очевидны. Они связаны с сохранением в памяти неприятных или, напротив, необыкновенно притягательных ситуаций, служащих несомненным украшением серых будней. Противоречие здесь состоит в случаях амнезии: алкоголь, давая ощутимую возможность совершить достопамятные экстраординарные поступки, одновременно досадным образом лишает память необходимого потенциала для фиксации событий. Так, в 1784 г., как видно из журнала Каргопольского нижнего земского суда, в этот орган власти для утверждения явились несколько претендентов на одну должность старосты, каждый из которых предъявлял «выбор» от крестьян и считал себя единственным избранником. Суд постановил обратиться к местному трезвому священнику, который сразу прояснил ситуацию. Оказалось, что «все “выборы” написаны большей частью пьяными крестьянами, которые даже до такого непорядка доходили, что кричали вслух: “Кто больше даст вина, тот и будет старостой!”» [ОР ИРЛИ, ф. 96, оп. 3, д. 2, л. 303]. Определить, кто же дал больше, особенно после того, как все было выпито, оказалось непросто. Поэтому на всякий случай желанные документы об избрании получили абсолютно все претенденты.

Есть и еще одно противоречие. В алкоголе заключен скрытый, «биохимический» призыв к динамике, энергичным действиям, достижению величия и доминирования и даже к проникновению в миры, населенные сверхъестественными существами. Так, в древней культуре «одной из причин <...> наркотизации и других способов приведения человека в болезненную экзальтацию было желание доставить пациенту зрелище призрачных существ, от которых он иногда ожидал высшего познания или даже мирской власти» [Тэйлор 1939, 274]. Недавно опубликованные фольклорные материалы подтверждают это точное обобщение. Так, судя по записям быличек, один пастух получил от своего предшественника чудесное «наследство»: благодаря волшебным предметам «скот приходил сам домой, как будто кто его собирал». Однажды пастух «напился пьян» и у него появилась решимость узнать о своих чудесных помощниках. «Пошел в лес, дошел до того места, где коровы едят траву, потрубил. Смотрит: бежит женка оборванная, ободранная». Увидев пастуха, она «бросила вицу: “На, — говорит, — паси сам, я сколько годов пасла”. Это была лешачиха» [Криничная 2011, 393].

Но одновременно алкоголь оказывает сковывающее воздействие, приводит к неподвижности, зачастую в самый неподходящий момент (как тут не вспомнить пресловутую «морду в салате» или, в случае проявления особой силы и выносливости, в десерте?). Иногда поведение пьяных имело значительно более трагические последствия. При этом возрастание агрессивности досадным образом сочеталось с утратой памяти о содеянном. Так, в 1758 г. канцелярия Олонецких Петровских заводов рассматривала дело об убийстве крестьянина Осипа Дмитриева. В процессе следствия, которое заключалось в «двукратном битье накрепко плетью», подозреваемый сознался, что, находясь в кабаке, «напился вина весьма чрезвы-

чайно» и поэтому не может вспомнить все обстоятельства своего злодеяния. Учитывая «непомерное пьянство» убийцы, канцелярия приняла гуманное решение: вновь бить его плетью «нешадно» для того, чтобы он «впредь так безмерно не напивался» и «таковых смертельных убийств и прочих не порядков чинить не отваживался», а затем освободить из-под караула и отправить домой [НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 222, л. 239—239, об.]. Порой агрессия со стороны пьяниц принимала не только трагикомические, но и экстраординарные формы. Ведь алкоголизм, усиливая враждебность и понижая порог допустимого поведения, одновременно лишает индивида возможности рационально планировать акт агрессии. Судя по публикациям в губернской прессе за 1869 г., в одном из кабаков, расположенных в Вытегорском уезде, произошла пьяная драка, во время которой крестьянин Ефим Железный укусил собутыльника за палец, что привело к инфицированию раны и началу гангрены [Дневник 1869, 163].

В поведении значительных масс, находящихся под воздействием спиртного, прослеживается такая же закономерность. Так, началу драки предшествовало стимулирование собственной агрессивности, подкрепленной влиянием алкоголя. Современник событий, скрывшийся за псевдонимом З., описывал внезапные метаморфозы сельских праздников. «Толпа пьяных гуляк с палками, гармониями и недопитыми бутылками в руках, шатаясь, сквернословя и распевая гадкие позорные песни, выходит на середину деревни и сразу овладевает всей территорией праздничной гулянки. Буяны кричат, поют, ругаются, свистят, разом играют на нескольких гармониях разные рулады и сжатыми кулаками расталкивают и разгоняют толпы мирно гуляющих» [З. 1911, 17]. Вскоре пьяный разгул перерастает в драку. «С диким, нечеловеческим криком набрасывались хулиганы на неожиданных противников, которые в свою очередь не щадили безобразников. Результатом сражения было несколько окровавленных избитых людей, валяющихся на земле» [З. 1911, 17]. Пьянство способствовало предельной радикализации поведения участников праздника, высвобождению агрессивных инстинктов и архаизации поведения. Другой очевидец событий придерживался аналогичных пессимистических воззрений на праздничную культуру начала XX в.: «В праздники по трактам, на коих расположены празднующие села, проезжать рискованно. Среди бела дня на деревенской улице могут избить или пустить в тебя поленом, камнем только за то, что ты незнакомый. Уж (факт) батюшки, обходящие с крестом празднующую деревеньку, принуждены брать провожатыми местных *трезвых* крестьян» [Забивкин 1911, 3].

Становление и развитие пьянства отдельной личности или общества в целом самым определенным образом связано с телесными практиками. С одной стороны, в моменты пьянства телесная сторона человеческой личности временно маскируется, становится менее заметной. Исчезает усталость, появляется готовность к невиданному в трезвом состоянии напряжению сил. Но, с другой стороны, в дальнейшем приходит расплата. Тело решительно

напоминает о себе похмельем и связанными с ним физиологическими явлениями. Неспроста когда в современной психотерапевтической группе обсуждают алкоголизм, для большинства алкоголиков интересно не пьянство, а их последующие страдания. Исторические свидетельства говорят об этой же суровой проблеме. Так, по данным начала XX в., в Олонецкой губернии во время праздников «молодые девушки не пьют <...> надо угощать гостей». Зато в первое воскресенье после праздника «девицы возьмут свое: иная так “налижется”, что побледнеет вся, как береста, и где-либо на задворках исправно очищает свой переполненный желудок» [Роев 1911, 22].

Итак, в народном сознании алкоголь с его способностью изменять восприятие окружающего мира или даже продуцировать галлюцинации обретает признаки средства, позволяющего покинуть серые будни и переместиться в трансцендентный мир, наполненный искренними людьми, храбрыми и ценящими дружбу, напрямую общающимися с божеством, всегда говорящими правду. Неспроста по-латыни «алкоголь» — *spiritus m.e.* «дух». Следовательно, возвышенный религиозный опыт и алкоголь называются одинаково. В современной научной литературе легко обнаружить сходные утверждения: «В основе феномена пьянства лежит, помимо прочего, потребность человека в периодической коррекции психофункционального состояния» [Такала 2002, 9]. В переменчивой судьбе индивида алкоголь неизбежно играет множество ролей, нередко определяя взлеты и падения.

Алкоголь и «социальные лифты»

Направление потока льющегося спиртного точно указывает то движение по социальной лестнице, которое в громадном множестве случаев сопровождает неумеренное увлечение алкоголем. Однако здесь вновь проявляются существенные противоречия. Они связаны со статусом личности, активно и регулярно употребляющей алкоголь. С одной стороны, постоянное употребление алкоголя формирует у индивида ряд негативных и травмирующих переживаний. Это чувство вины за содеянное, неприглядный внешний вид, агрессивное поведение, экономический ущерб для семьи, иные тяжелые последствия алкоголизации. Современники вполне осознавали масштабы трагедий и по мере сил пытались их предотвратить. Так, крестьяне Лекшмозерского сельского общества Каргопольского уезда в 1899 г. составили приговор, согласно которому «единогласно признали от постройки дома для казенной вино лавки отказаться». Они просили земского начальника «принять на себя ходатайство пред подлежащим начальством о закрытии в обществе нашем навсегда казенной винной лавки, так как с нахождением в обществе винной лавки подрастающие молодые люди мужского пола лет 14—16 предаются чрезмерным выпивкам спиртного напитка». Этим они «явно при-

носят в хозяйствах вред и семейные неудовольствия, доходящие иногда до драк и случаев кражи из хозяйств единственно на пропой» [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 36/1295, л. 2—2, об.]. В другом населенном пункте Олонецкой губернии местные жители решили ограничить продажу вина в дни праздников, но не запрещать ее вовсе. Как говорилось в приговоре крестьян Усачевской волости Каргопольского уезда, составленном в 1899 г., «в воскресные, праздничные дни и местные праздники при местной казенной лавке в деревне Броневской, бывают разгул, безобразие и употребление спиртных напитков на улице, что слишком вредно отзывается на нравственности подрастающего поколения» [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 44/1686, л. 2].

Но, с другой стороны, именно употребление алкоголя неразрывно связано с рядом позитивных чувств. Это горделивые рассказы о количествах выпитого, прочное ощущение братства любителей спиртного, заботящихся о взаимном повышении статуса и одаривающих друг друга комплиментами, в которых мотивы совместной пьянки звучат особенно отчетливо. Иногда решения об установлении более высокого жалованья, повышении по службе принимались (и можно предположить, принимаются) во время возлияний и под воздействием спиртного. Так, в 1893 г. губернское присутствие рассматривало дело о пьянстве крестьян на сельском сходе. Выяснилось, что спиртное куплено и принесено на собрание старшиной, который добивался повышения вознаграждения и именно таким традиционным путем получил его. Угощенные им крестьяне согласились увеличить взимаемые с них налоги и предоставить ловкому старшине более высокое жалованье [НА РК, ф. 95, оп. 1, д. 10/133, л. 5].

Поскольку средства, полученные за разрешение торговли спиртным, находились в распоряжении крестьян, деньги могли расходоваться на социально значимые цели. Так, для обеспечения приходского духовенства жилищем использовались средства, полученные с торговцев алкоголем. В 1901 г. крестьяне Марковского сельского общества решили построить церковь за счет «их сельского мирского капитала, образовавшегося из сумм, полученных за права винной торговли в их обществе». Рассмотрев просьбу крестьян, Олонецкое губернское присутствие решило, что возведение храма «является крайней необходимостью ввиду отдаленности упомянутых выше деревень от приходской их, что на Вытегорском погосте, церкви» [НА РК, ф. 95, оп. 1, д. 50/2054, л. 5]. В Усачевской волости Каргопольского уезда в 1897 г. крестьяне «имели суждение о необходимости произвести ремонт общественного дома местного священника, ввиду того, что означенный дом пришел в ветхость и упадок». Обсудив данный вопрос, крестьяне решили использовать для ремонтных работ «общественный мирской капитал, полученный обществом с виноторговцев за изъявление им согласия на виноторговлю в нашем обществе» [НА РК, ф. 95, оп. 1, д. 27/848, л. 2]. Но особенно отчетливо позитивный потенциал алкоголя проявлялся в моменты праздников.

Праздник: пьяное время и пространство

Можно сказать, что время и пространство для пьянства легко находится, формируются и обладают свойствами вечности, непрерывности, распространяясь как на далекое прошлое, так и на обозримое будущее. В роли пространств, предназначенных для пьянства, выступают буквально все воображимые виды обитаемых территорий. Так, очевидец событий В. Майнов, описывая периодическую торговлю пивом в Повенце, оставил яркие картины происходивших событий: «Когда раздастся звон колокола с пришедшего парохода, весь Повенец словно оживает, все бежит на набережную. Начинается пивопитие, да такое, что уму даже непостижимо становится, куда такая прорва пива умещается» [Майнов 1877, 147—148]. Наряду с публичным пиршеством глубоко укоренилось тайное пьянство, тесно связанное со специфическими особенностями индивида или необходимостью сокрытия от окружающих темных сторон личности. В обозримой исторической перспективе и до настоящего времени мы имеем дело с коллективными формами употребления алкоголя, связанными не только с опьянением, но и с формированием, поддержанием и изменением в ту или иную сторону статуса персоны, вовлеченной в коллективное пиршество. Наконец, значительная часть «пьяных» пространств формируются стихийно, находится под ощутимым воздействием природных сил, максимально сближает человека с животным миром, что нередко служит не отталкивающим аспектом пьянства, а дополнительным фактором притягательности алкоголя («ближе к природе»).

Все эти пространства наделены различными статусами, безошибочно распознаваемыми каждой отдельной личностью. Прежде всего, речь идет о городе и селе. Многие конкретные факты девиантности вообще и массового употребления алкоголя в частности связаны с духовным противостоянием деревни и города. *Традиционный стиль употребления спиртного, сложившийся на протяжении столетий и в определенной мере сохранявшийся в середине XIX в., предполагал сакральный подтекст. Алкоголь употребляли в отдельные, наиболее значимые моменты праздников, а в профанное время преимущественно имело место табуирование спиртного.* Карельские и вепские материалы позволяют рассмотреть эту существенную проблему более подробно. В местном обиходе распространенным напитком с древнейших времен стало пиво, традиционный, проверенный веками, рецепт приготовления которого в настоящее время утрачен. Варкой пива обычно занимались «пивовары, ходившие по северновепским деревням и предлагавшие свои услуги населению» [Винокурова 1996, 48]. По материалам Каргопольского уезда известен устоявшийся порядок приготовления пива для праздника. В этот процесс вовлекалась значительная часть населения, которая на артельных началах готовила пиво для местных часовенных праздников [Куликовский 1895, 5].

Технологическая сторона процесса заключалась в следующем: «На берегу реки или пруда ставили большие 30-ведерные кадки. Сусло с налитой в бочки водой кипятили с помощью накаленных докрасна на кострах больших камней. Затем бочки закрывали и оставляли на 5-6 дней. Пиво получалось очень крепкое. Перед праздником пиво делили между собой». Сакральный смысл происходящего подчеркивало распределение гендерных ролей: пиво «пили только мужчины, а женщинам позволялось пить только сусло» [Тароева 1965, 137—138]. С количеством имеющегося пива напрямую связывалась продолжительность празднования, «поскольку пока пиво было не допито, праздник считался незавершенным» [Морозов, Слепцова 2004, 225].

Особенно обстоятельно современными учеными исследовано употребление спиртного во время свадеб, являющихся одним из важнейших лиминальных периодов в жизни человека и по этой причине тесно связанных с алкоголем. Устоявшийся в карельских деревнях ритуал подготовки к свадьбе предполагал длительные переговоры семейств жениха и невесты, в случае успеха завершавшиеся приглашением на «винопитие» [Сурхаско 1977, 85]. В дальнейшем «обрядовая роль вина при весьма скромном употреблении спиртных напитков была, тем не менее, существенна». В частности, здесь вновь заявляли о себе гендерные особенности употребления спиртного: «Обычно вином угощали мужчин, женщинам же подносили безалкогольные напитки или сладости» [Сурхаско 1977, 137]. Прощание невесты с родным домом становилось кратким, но важным моментом, вновь требующим коллективных возлияний. Невеста обходила гостей, собравшихся на свадьбу, и, «низко кланяясь, подносила каждому рюмку вина; гости, выпив, расплачивались деньгами или какими-нибудь вещами». Непосредственно сами свадебные пиршества никогда не обходились без спиртного. Вино гостям подносили сами новобрачные. При этом чаще всего приглашенные отказывались пить, заявляя, что вино «горькое» или что «соринка попала». Выпить спиртное соглашались «лишь после того, как молодые поцелуются» [Сурхаско 1977, 175]. Сложившиеся в деревне традиции употребления алкоголя резко контрастировали с ситуацией в городах. Эти две разновидности восприятия спиртного неизбежно должны были столкнуться. Вскоре так и случилось.

Городская культура и употребление спиртного

Проверенные веками традиции употребления спиртного жестко регламентировали, ограничивали набор ситуаций (наиболее важных, переломных в жизни человека), когда алкоголь позволялось употреблять. *Городская культура, проникая в село, изменила эту ситуацию раз и навсегда.* При массовом переходе от традиционного сельского к современному городскому образу жизни вековые ритуалы исчезли, а связанные с ними стереотипы потребления алкоголя остались. Выдающуюся роль в распространении новых, значительно более сво-

бодных норм употребления спиртного сыграли рабочие низкой квалификации, оторванные от родной земли, мало думающие о собственном здоровье, всецело поглощенные борьбой за выживание, лишенные стабильности и даже простой возможности планировать свое существование на годы вперед. Заметим, что их положение характеризовалось чертами лиминальности, но не обрядовой, а чисто «практической»: в их жизни разрыв с сельской средой *уже* состоялся, а полноценное включение в городскую культуру *еще* не произошло. В данном случае лиминальность явным образом связана с десоциализацией. Все это резко ослабляло контроль над их поведением и в целом выводило их за рамки традиционного жизненного уклада, тесно связанного с трезвостью.

После великих реформ 1860-х гг. пьяные маргиналы стали заметной частью городского населения и в Олонецкой губернии. На короткое время возвращаясь из города в деревню, они шокировали своих односельчан и местное духовенство, предлагая отвратительные альтернативы сложившимся нормам поведения. Как говорилось в статье, написанной псаломщиком из Немжинского прихода Олонецкой епархии, на общем фоне выделяются «те субъекты, которые побывали в столице». Они «позволяют себе в праздничные дни выпить и с гармонией в руках бродить по селу, распевая неприличные песни» [Фарсионов 1906, 511]. Вытегорское духовенство в 1870-е гг. отмечало сходные явления, с огорчением констатируя, что «невозможно искоренить» укоренившиеся между местными жителями пороки: *пьянство*, распутство и «произношение скверноматерных слов». Причиной устойчивости дурных привычек стало влияние проезжающих по Мариинской водной системе, «где ежегодно проходят тысячи разного народа всякой веры и нравственности» [НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 66.].

Из сказанного следует, что *в глазах жителей деревни беспричинное, не связанное с сакральным временем пьянство выступало в роли своеобразного маркера «своего» и «чужого» поведения, являясь наиболее шокирующим признаком негативного городского влияния.* Современник событий, описывая ситуацию в карельских деревнях, подчеркивал этот аспект поведения местных сельских жителей: «Между кореляками редко встречаются пьяницы, тем более воры. Хотя кореляки и невежественны, но ведут трудолюбивую трезвую жизнь, драки между ними очень редки, и то в случае столкновения с русским пришлым рабочим людом» [Петров 1901, 2]. Примечательно, что городское пространство виделось в начале XX в. значительно менее упорядоченным и контролируемым, подверженным девиантным проявлениям, подтверждение чему находили в распространении алкоголизма. Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с проекцией собственных негативных качеств на городских обитателей, а также с явными отзвуками старого противостояния города и деревни, «детей», покинувших родные края, и «отцов», сохранивших верность деревне.

В записках современников сохранилось значительное количество наблюдений, связанных со стихийной, но устоявшейся и поддерживаемой традицией трезвостью. В особенности это касалось тех карельских деревень, где сохранялся устойчивый, проверенный веками жизненный уклад, а новые соблазны еще не проявились в полной мере: «Карел ни за что не пойдет в буден в кабаки, ни за что не снесет туда жениных нарядов и не пропьет сошников и семенной ржи. Он строг к себе и всегда найдет в себе достаточно сил, чтобы противостоять соблазну <...>. Карел знает вкус водки, но потребляет ее умеренно, в будни — как исключение» [Лесков 1895, 280]. Нетрудно заметить в этой связи, что в самой стихии пьянства все же заключен жесткий порядок: он конструируется устоявшимися нормами, присущими каждому безобразию приличиями, строгим распределением статусных ролей, специфической лексикой и т.п. Другие источники лишь подтверждают данное высказывание. Так, очевидец событий В. Майнов писал о карелах, сравнивая их с финнами и подчеркивая значение конфессиональных факторов в формировании масштабов употребления спиртного: «Пьет он (карел. — М.П.) умеренно, хоть и потчуют его добрые люди и российской сивухой и свои собраты из Финляндии высылают втихомолку свою картофельно-моховую дрянью; в Прионежских и Сегозерских волостях пьют меньше, нежели в приграничных, но на эту сдержанность причину следует искать в том обстоятельстве, что здесь кореляк сплошь раскольник-беспоповец, а там лютеранин ...» [Майнов 1877, 280]. Итак, для формирования и поддержания традиций трезвости оставался широкий простор. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Убогий мир трезвости

Алкоголизм может выступать в сознании людей как «национальное своеобразие», и соблазну именно так объяснять реальность легко поддаться. Ведь такое истолкование происходящего снимает с конкретного индивида ответственность за выбор «нетрезвой» линии поведения. В то же время устойчивое соблюдение норм трезвости нередко становилось определяющим в отношениях современников, добавляя авторитета тем, кто находил в себе силы для воздержания от алкоголя. Как писал известный психиатр В. М. Бехтерев, «в России (не в пример другим странам) пьянство распространяется крайне неравномерно. Из числа пьющих нужно исключить старообрядцев, сектантов, а в некоторой степени мало пьющих евреев» [Бехтерев 1927, 7]. Так, в числе факторов, способствующих устойчивости старообрядческого влияния, современники событий указывали следующие. Во-первых, вера в «непогрешимость старопечатных книг», которую активно поддерживали не только старообрядцы, но и многие представители приходского духовенства. Во-вторых, это более строгое соблюдение постов, *отсутствие пьянства в старообрядческой среде*. Вследствие этого старообрядческие наставники оказываются в глазах местных жителей на «недостижимой высоте» [Козлов 1912, 8].

Заметим, что в то же время начинания в сфере отказа от алкоголя, создание в рамках церковных приходов Обществ трезвости, предпринятое олонецким епархиальным начальством в конце XIX в., не имело особого успеха, преимущественно осталось на бумаге. Тем не менее, в отчете обер-прокурора Святейшего Синода подчеркивалось широкое распространение норм трезвости среди населения страны: «В ряду православных церковных обществ и учреждений весьма заметное место занимает ныне широко распространившиеся общества и братства трезвости, имеющие своей целью борьбу с народным пьянством главным образом церковно-просветительскими средствами» [Всепопданнейший отчет 1913, 211].

После начала Первой мировой войны произошло радикальное ограничение продажи спиртных напитков. На первых порах это нововведение привело к сокращению деревенского пьянства и, как следствие, к уменьшению числа драк. Но в 1915 г. появилась новая напасть, заменившая собой алкоголизм. Современник событий писал: «Картежная азартная игра в деревне приняла угрожающие размеры. Играют и взрослые и подростки. Раньше пропивался хлеб, одежда и все то, что можно унести из дому; теперь же все это проигрывается в карты. Карты, как и вино, обратились для части деревенского населения в страсть, и я не знаю, какое зло сильнее — вино или карты». Это происходит по простой причине: «в наличности есть праздное время, которое раньше тратилось на беседы за стаканом вина» Теперь «появился трезвый досуг и его необходимо как-нибудь заполнить». Так «в деревенскую жизнь влилось новое зло — азартные игры» [Мардарьев 1915, 8]. Другой современник событий описывал происходящее в сходных выражениях: «День и ночь, погода-непогода, карты не сходят с рук. Деньги все, идут в ход сапоги, одежда, часы и пр. Начинают играть не бравшие никогда карт в руки, не пившие вина, играют до одурения, до сумасшествия» [Андронов 1915, 8]. Из сказанного следует, что попытки противостоять опьяняющему миру алкоголя, вооружившись трезвыми нормами жизни, рациональными представлениями, оказывается безнадежной или, во всяком случае, трудноосуществимой задачей. На смену иррациональному миру пьянства, побежденному ценой невероятных усилий, немедленно приходят иные, столь же мощные и значимые способы организации досуга, которые, в конечном итоге, не только являются аналогом пьянства, но и влекут за собой значительно более существенный вред для общества.

Итак, проведенное исследование показывает, что *магистральной линией развития алкоголизма стала внезапная, произошедшая за короткий период десакрализация употребления спиртного*. Этот процесс подхлестывался растущим производством алкоголя, заметным обнищанием населения, а также влиянием города, в котором оба эти процесса развивались наиболее отчетливо. Труднее обнаружить иные аспекты распространения пьянства. В их

числе общая закономерность, присущая различным эпохам и связанная с тем, что алкоголизацией маркированы лиминальные ситуации и статусы личности. При этом традиционная культура (в частности, местные праздники и свадебная обрядность) предполагала ограниченные, связанные с конкретными заранее известными обрядами, проявления пороговых состояний. В дальнейшем и масштабы лиминальности и, следовательно, проявления алкоголизма приобрели пугающие размеры.

В целом можно сказать, что алкоголь и «питейная» культура не только тесно связаны, но и (как ни странно) жестко противостоят друг другу. Незамысловатое химическое соединение, называемое в современной литературе алкоголем, несет существенные психофизиологические проблемы для представителя рода *homo sapiens*. Несколько иная ситуация связана с алкогольной культурой, которая обещает человеку исполнение наиболее заветных желаний, резкий рост могущества и влияния. Человек осуществляет все перечисленные важные для него экзистенциальные потребности на короткое время, расплачиваясь за это возникновением серьезных и многообразных проблем как духовного, так и физиологического характера. Имеются и социально-психологические аспекты данной проблемы, связанные с деструктивной ролью алкоголизма.

Наиболее существенным сюжетом становится воздействие крестьянской общины, сдерживающей как эгоистические, так и агрессивные черты поведения человека, связанные с самыми древними пластами сознания. Последние, как правило, оказываются недоступны для непосредственного выявления, наблюдения и осмысления, но отчетливо проявляются под воздействием алкоголя. Крестьянский коллектив позволял личности немного расслабиться, удовлетворить не насыщаемую в обыденной жизни потребность в алкоголе только в отмеченные сакральным статусом моменты праздников. Городской уклад жизни позволил архаическим чертам психики в полной мере реализоваться, предоставляя им значительно более широкий простор. В качестве подспорья в этом процессе выступала рациональная, хорошо организованная и приносящая существенные прибыли торговля алкоголем. Наиболее типичным пространством для распространения пьянства в рассматриваемый период стала улица. Здесь же происходили основные события, связанные с опьянением. Вероятнее всего, причиной такого восприятия проблемы становится тот факт, что домашнее, бытовое пьянство не фиксировалось в документах, воспринимаясь как нормальное, обыденное, не заслуживающее внимания явление.

Литература

- Андронов 1915 — *Андронов А.* Новый бич деревни // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 21. С. 8—9.
- Бехтерев 1927 — *Бехтерев В.М.* Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927.
- Винокурова 1996 — *Винокурова И.Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX-начало XX в.). Петрозаводск, 1996.
- Всепопданнейший отчет 1913 — Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. СПб., 1913. С. 211.
- Дневник 1869 — Дневник происшествий по г. Петрозаводску // Олонецкие губернские ведомости. 1869. № 17. С. 163.
- З. 1911 — З. Хулиганство. Из деревенских наблюдений // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 20. С. 17.
- Забивкин 1911 — *Забивкин И.* Алкоголизм и начальная школа // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 10. С. 3—4.
- Козлов 1912 — *Козлов И.* Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // ОЕВ. 1912. № 22. С. 2—12 (Приложение).
- Коровин 1916 — *Коровин А.М.* Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 год. М., 1916.
- Криничная 2011 — *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бивальщины и поверья Русского Севера. М., 2011.
- Куликовский 1895 — *Куликовский Г.И.* «Общественный пир в Каргопольском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 9. С. 5—6.
- Леннрот 1985 — Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828—1842 гг. Петрозаводск, 1985.
- Лесков 1895 — *Лесков Н.* Поездка в Корелу // Живая старина. 1895. Вып. 3-4. С. 275—291.
- Майнов 1877 — *Майнов В.* Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.
- Мардарьев 1915 — *Мардарьев И.* Вино и карты // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 11. С. 8—9.
- Михайлов 1900 — *Михайлов И.В.* Алкоголизм и разврат. М., 1900.
- Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX в.). М., 2004.
- Петров 1901 — *Петров Н.* Деревня Улялега (Этнографический очерк) // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 102. С. 2—3.
- Роев 1911 — *Роев В.И.* Из учительских воспоминаний // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 3. С. 22.
- Сурхаско 1977 — *Сурхаско Ю.Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX-начало XX века). Л., 1977.
- Такала 2002 — *Такала И.Р.* «Веселие Руси». История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.
- Тароева 1965 — *Тароева Р.Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965.
- Тэйлор 1939 — *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Фарсинонов 1906 — *Фарсинонов А.* Немжинский приход Лодейнопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 13. С. 511—512.

Список сокращений

НА РК — Национальный архив Республики Карелия;

ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы;